

Ж.К. Азкенова ,

докторант Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева,
Казахстан, г. Нур-Султан, e-mail: azkenova@mail.ru

Н. ГОГОЛЬ И А. ЧЕХОВ. ДВА ЧИНОВНИКА И ДВА ГЕНЕРАЛА

Аннотация. В статье представлен опыт изучения текста как персуазивной программы. Выбор объектов исследования обусловлен возможностями сопоставления способов воздействия автора на читателя, в том числе перлокутивного воздействия (юмора). Предпринят также опыт анализа способов повествования.

В качестве актуальных задач обозначены исследование референтной, креативной и рецептивной компетенций текста в целях изучения иллокутивного воздействия автора на читателя, функции метатекстовых знаков. Изучение перлокутивного воздействия осуществлено в аспекте структуры комического и экспликаций смеховой культуры.

Алгоритм анализа: авторская репрезентация, коммуникативно-речевое поведение героев, смысл происшедшего с героями, трактовка писателями их смерти, типология и своеобразие чужих генералов – позволил установить формы присутствия автора и его воздействия, изображения вымышленного как подлинного.

Предметом анализа стали виды риторических модальностей – знания, понимания, убеждения. Обосновано, что они в сочетании с аллюзиями создают иконическую дискурсивность. Исследование риторической природы смеха выявило комический аспект двойничества, показало значение невербальной коммуникации героя с миром. Специфика повествования Гоголя и Чехова – как мотивированного отчуждения – выявляет аллюзию на смерть и роль физиологических маркеров. Персуазивная программа анализируется также с позиций смеховой культуры и православно-аксиологического осмысления.

Использование неориторического (дискурсного) и структурного подходов позволило установить связь двоякой событийности текста с типами риторических модальностей. Выявлена роль риторических модальностей как источников аллюзивной иконической дискурсивности. Показана общность и различия перлокутивного воздействия писателей на читателя. Установлена связь двоякой событийности с нарративной природой текста, когда метатекстовые знаки являются активными субъектами сюжета и выполняют функцию повествующего дискурса.

Ключевые слова: Гоголь, Чехов, «Шинель», «Смерть чиновника», дискурс, персуазивная программа, перлокутивное действие, метазнаки, повествующий дискурс.

Zh.K. Azkenova,

doctoral student of L.N. Gumilyov Eurasian National University,
Kazakhstan, Nur-Sultan, e-mail: azkenova@mail.ru

N. Gogol and A. Chekhov. Two officers and two generals

Abstract. The article presents the experience of studying the text as a persuasive program. The choice of objects of research is due to the possibility of comparing the methods of exposure of the author on the reader, including perlocutionary influence (humor). Also taken experience in analyzing narrative methods. The research of reference, creative and receptive competences of the text in order to study the illocutionary effect of the author on the reader, the functions of metatext characters. The study of perlocution implemented in the aspect of the structure of the comic and explications of laughter culture.

Analysis algorithm: author's representation, communicative-speech behavior of heroes, the meaning of what happened to the heroes, the writers' interpretation of their death, typology and originality of foreign generals – allowed to establish the presence of the author and his exposure, images fictional as genuine. The subject of analysis was the types of rhetorical modalities – knowledge, understanding, beliefs. It is proved that they, in combination with allusions, create an iconic discursiveness. A study of the rhetorical nature of laughter revealed a comic aspect of duality, showed the value of non-verbal communication of the hero with the world.

The specificity of the narrative of Gogol and Chekhov – as a motivated alienation – reveals an allusion to death and the role of physiological markers. The pervasive program is also analyzed with positions of laughter culture and Orthodox-axiological reflection. The use of non-rhetorical (discourse) and

structural approaches allowed to establish a connection between the two events of the text and the types of rhetorical modalities. The role of rhetorical modalities as sources of an exclusive iconic discursiveness.

The generality and differences of the perlocutionary influence of writers on the reader. The connection of two events with the narrative nature of the text is established, when metatext characters are active subjects of the plot and perform the function narrative discourse.

Key words: Gogol, Chekhov, «The Overcoat», «Death of an Official», discourse, persuasive program, perlocutionary action, meta-signs, narrative discourse.

Ж.К. Азкенова,

А.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің докторанты,
Қазақстан, Нұр-Сұлтан қ., e-mail: azkenova@mail.ru

Н. Гоголь және А. Чехов. Екі шенеуік пен екі генерал

Аңдатпа. Мақалада мәтінді персуазивті бағдарлама ретінде зерделеу тәжірибесі қарастырылған. Зерттеу нысандарын таңдау автордың оқырманға әсер ету мүмкіндіктеріне негізделеді, оның ішінде перлокутивті әсер (өзіл) назарға алынады. Сондай-ақ баяндау әдістерін талдау тәжірибесі де басшылыққа алынды. Зерттеуде өзектілігі ретінде мәтінді референттілік, шығармашылық және рецептивті бағытта зерделеуі автордың оқырманға илокутивті әсерін метамәтіндік таңбалардың қызметі арқылы анықтау мақсатын қояды. Перлокутивті әсерлерді зерттеу комиканың құрылымы мен күлкі мәдениетін экспликация аспектілері аясында қарастыруға мүмкіндік береді.

Талдау алгоритмі: авторлық репрезентация көрінісі, кейіпкерлердің коммуникативті-сөйлеу әрекеті, кейіпкерлерге не болғанын, жазушылардың олардың өлімін түсіндіруі, типологиясы және өзге генералдардың өзіндік ерекшелігі – авторлық қатысым және оның әсері, ойлап табылған оқиғаның шынайылық белгілерінің анықталуына мүмкіндік береді. Зерттеу пәні ретінде риторикалық модаль түрлері – білім, түсіну және нанымдар назарға алынды. Олардың алғышарттармен бірге иконикалық дискурсивтілік туындататындығы дәлелденді. Күлудің риторикалық табиғатын зерттеу күлкінің қосарлылық жағын ашты, әрі кейіпкердің әлеммен бейвербальды байланысының құндылығын көрсетті.

Ерекшелігі. Гоголь мен Чеховтың әңгімесі физиологиялық маркерлердің рөлі мен өлім иллюзиясын анықтау негізіндегі иеліктен шығару мотивациясын баяндайды. Персуазивті бағдарлама сонымен қатар күлкі мәдениеті мен православты-аксиологиялық толғаныс бағытын талдауға жол ашады. Риторикалық емес (дискурстық) және құрылымдық тәсілдерді қолдану мәтіннің екітараптық байланысы мен риторикалық модаль түрлері арасындағы байланысты көрсетуде қолданылады. Риторикалық модальділіктің аллюзивті иконикалық дискурсивтілік көзі ретіндегі рөлі анықталды.

Оқырманға жазушылардың перлокутивті әсер етуінің айырмашылығы мен ерекшелігі көрсетілді. Мәтіннің баяндау сипатының екітараптық оқиғамен байланысы анықталды. Ол метамәтіндік таңбалар – сюжеттің белсенді субъектілері мен баяндау дискурсы қызметін атқарғанда анықталады.

Түйін сөздер: Гоголь, Чехов, «Пальто», «Шенеуніктің өлімі», дискурс, персуазивті бағдарлама, перлокутивті әрекет, мета-белгілер, баяндау дискурсы.

Введение

Новые подходы в литературоведении, связанные с дискурсным прочтением текста, обеспечивают анализ художественного произведения как персуазивной программы (с точки зрения воздействия на читателя) и изучения юмора писателя – в аспекте перлокутивного воздействия. Такой подход позволяет также выработать новый взгляд на способы повествования. Актуальность изучения русской классической литературы XIX в., ключевого для нее образа чиновника и персонажного ряда, обусловлена использованием неориторического (дискурсного) подхода в сочетании с дискурсным.

Цель статьи – анализ художественного произведения как персуазивной программы. Для достижения обозначенной цели предпринято решение следующих задач: 1. выявление признаков персуазивной программы в аспекте трех компетенций текста – референтной, креативной, рецептивной, а также перлокутивного воздействия. 2. определение границ референтной компетенции текста в ракурсе таких вопросов: *Как говорят герои Гоголя и Чехова? Что случилось с героями? Как умирают герои? Как ведут себя генералы?* 3. изучение креативной компетенции текста с позиций иллокутивного воздействия на читателя и функция метатекстовых знаков. 4. анализ рецептивной компетенции текста в аспек-

те перлокутивного воздействия в аспекте структуры комического, экспликаций смехового.

Теоретическая значимость статьи заключается в синтезе неориторического (дискурсного) подхода со структурным изучением текста с позиций воздействия автора на читателя, структуры убеждения (внушения) и юмора, смеховой игры.

Практическая значимость. Одна из актуальных тенденций в дидактике средней и высшей школы связана с практическими задачами обучения языку и литературе посредством текстоцентрического подхода. Выработка у обучающихся методов понимания и анализа текста, точной трансляции авторской точки зрения активизирует критическое мышление и обеспечивает мотивацию к обучению.

Эксперимент

Применение дискурсного подхода обеспечивается рассмотрением текста в фокусе трех компетенций – референтного, креативного и рецептивного (Тюпа, 2008: 273). С этой точки зрения сравнительный анализ повести Н. Гоголя «Шинель» (Гоголь, 1938: 139-174) и рассказа А. Чехова «Смерть чиновника» (Чехов, 1975: 164-166) представляет интерес возможностями синтеза дискурсного и структурного исследования воздействия автора на читателя и своеобразия комического.

Обзор структурного изучения «Шинели» восходит к хрестоматийной статье Б. Эйхенбаума «Как сделана "Шинель" Гоголя?». Формальное изучение произведения: «композиция у Гоголя не определяется сюжетом» и «композиция его вещей – в построении сказа» (Эйхенбаум, 1969: 311) – сохраняет актуальность для современной науки дихотомией композиции и сюжета как внешнего и внутреннего прочтений текста. Диалог с Эйхенбаумом в статье Е.И. Славутина и В.И. Пимонова привел к применению структурного анализа в аспекте скрытой профетической структуры. Анализ двуликих образов: названия повести и имени героя, экфрасиса (как предвестия ограбления Башмачкина – описания табакерки и женщины на картине в витрине магазина), неявных предвестий (возвращение к квартирной хозяйке, вечный анекдот о подрубленном хвосте у лошади Фальконетова монумента), экспозиции, фантастического поворота, внутренней структуры – стал основанием для выявления реального и символического уровней развития действия. Ученые отметили, что собы-

тия, происходящие на символическом уровне, «не просто дублируют события, происходящие на реальном уровне, но ... выступают в роли их скрытого предвестия» (Славутин, Пимонов, 2018: 134).

Выявленные исследователями элементы профетической структуры тяготеют к функции метатекстовых знаков, которые определяются специалистами в области риторики как «предназначенные для выражения “заботы” ратора об интересах аудитории» (Риторика, 2018, URL). Так, с точки зрения риторики, главный признак текста состоит в том, что он содержит в себе *персуазивную программу* (от лат. *persuasio* < *persuadio* 1. убеждать, уверять, внушать; 2. побуждать, склонять, уговаривать) (Риторика, 2018, URL). Это особый способ организации текста, способствующий достижению согласия между ратором и аудиторией с целью определенного воздействия на адресата.

Перлокутивное воздействие автора на читателя составляет отдельную область изучения игрового поведения. Ученые указывают на природу юмора как индивидуальную способность героя «к порождению нетривиальных высказываний, переосмысливающих традиционные импlicative зависимости» (Колесникова, 2006: 100). Порождение комических ситуаций и их тонкая корреляция с драматическим, приводящая к жанровой трансформации, обеспечивает структурное изучение юмора Гоголя и Чехова как признака «двойкой событийности», на которую обратил внимание В.И. Тюпа (Тюпа, 2008: 273). Актуальными для научного аппарата статьи являются также установленные В.И. Тюпой типы риторических модальностей и аллюзивной иконической дискурсивности.

Выявление и анализ способов воздействия автора на читателя сообщает метатекстовым знакам функцию повествующего дискурса (Тюпа, 2008: с. 275), уточняя нарративную природу текста, и определяет роль деталей в описании как активных субъектов сюжета.

В работе использованы такие методы, как дискурсный, структурный, формальный, герменевтический.

Результаты и обсуждение

Авторская репрезентация

Гоголь прибегает к зачину в духе фольклорной поэтики: «Итак, в *одном департаменте* служил *один чиновник*, чиновник нельзя сказать чтобы очень замечательный» (с. 141), отводя

экспозиции место за завязкой. На эту особенность композиционного разрешения на примере «Ревизора» указал внимание Ю. Манн (Манн, 2015: 64). Имитация благополучного начала развития действия, также включающая элементы фольклорной эстетики, содержит завязка рассказа А. Чехова: «В один прекрасный вечер не менее прекрасный эскутор, Иван Дмитрич Червяков» (Чехов, 1975: 164). Перенос внимания читателя на семантику «прекрасного» связан с переживаемым героем блаженством: «сидел во втором ряду кресел и глядел в бинокль на «Корневильские колокола»». Знаки принадлежности к определенному положению в обществе: «второй ряд кресел» и должность эскутора. Например, в повести Гоголя «Нос» майор Ковалев «приехал в Петербург по надобности, а именно искать приличного своему званию места: если удастся, то вице-губернаторского, а не то – эскуторского в каком-нибудь видном департаменте» (Гоголь, 1938: 54).

Бинокль становится метатекстом, подготовившим подлинную завязку истории (Чехов сопроводил первые издания рассказа подзаголовком «случай»), обнаруживающим ложность завязки в начале произведения. Именно визуальное направленное действие (*глядел*) смещает взор героя на затылок сидящего впереди «старичка», которого «нечаянно обрызгал» Червяков. Таким образом, присутствие автора, корректирующего восприятие сцены читателем, становится метатекстом воздействия. Авторскую репрезентацию можно рассматривать как креативную компетенцию текста. Например, описание геморроидального цвета Башмачкина и его чина: «Что ж делать! виноват петербургский климат. Что касается до чина (ибо у нас прежде всего нужно объявить чин), то он был то, что называют вечный титулярный советник» (Гоголь, 1938: 141) – создает интонацию оправдания героя, импульсивно формируя у читателя образ жертвы. Описание издевательств молодых чиновников департамента над героем, приписываемая Акакию Акакиевичу связь с квартирной хозяйкой, старухой 70 лет дополняется слухами и сплетнями. Эта референтная компетенция текста, приравнивающая вымышленное к подлинному, а также креативная компетенция, которая дополняет образ героя как жертвы. Это часть персуазивной программы воздействия автора. Так перечисленные метатекстовые знаки становятся активными субъектами сюжета, приобретают функцию повествующего дискурса.

Как говорят герои Гоголя и Чехова?

Речь героя становится коммуникативной стратегией, характеризующей отношения автора и героя и способы повествования. Вместе с тем это широкий диапазон риторических модальностей – знания, понимания, убеждения. Они в сочетании с градацией аллюзий создают иконическую дискурсивность. Речь Башмачкина со «странными» словами и голосом: «В нем слышалось что-то такое преклоняющее на жалость» (Гоголь, 1938: 143) – отражает речеведение героя. Полнота восприятия героя читателем обеспечивается комментарием автора: «изъяснялся большею частью предложениями, наречиями и, наконец, такими частицами, которые решительно не имеют никакого значения». Незаконченные предложения создают часть референтного пространства как редуцированного волеизъявления героя.

Уныние и потерянности героя после неудачного визита к Петровичу содержат аллюзию на катастрофу: он «пошел совершенно в противную сторону, сам того не подозревая». Вычернивший плечо трубочист и высыпавшаяся на героя известка, чего не замечает Башмачкин, делают его молчание знаком потери почвы под ногами, когда нарушен привычный и понятный ему миропорядок.

Однако восприимчивость к гибкой модели поведения, когда он обретает способность разговаривать с собою «уже не отрывисто, но рассудительно и откровенно, как с благоразумным приятелем», помимо комического аспекта двойничества, фиксирует границу между модальностями понимания и убеждения. Риторическая природа смеха содержит предпосылки будущего сюжета мщения, возмездия мертвеца-чиновника. Контраст черного и белого в цветовой образности определяет решающую фазу в преломлении ситуации и подготавливает мотивацию внутреннего сюжета, который и придаст истории исчерпывающий смысл.

В состоянии отчаяния герой способен на обвинения: будочника – в том, «что он спит и ни за чем не смотрит», требования, угрозы и защиту прав – «наконец Акакий Акакиевич раз в жизни захотел показать характер и сказал наотрез, что ему нужно лично видеть самого частного, что они не смеют его не допустить, что он пришел из департамента за казенным делом, а что вот как он на них пожалуется, так что, так вот тогда они увидят» (курсив – Ж.А.). Амплификация передает четкость и категоризм форму-

лировок, изобличающих в герое «хозяина» коммуникативной ситуации. Казенная надобность обнаруживает в Башмачкине человека, принадлежащего системе, где основным механизмом, регулятором отношений становится чин.

Природа бессознательного в герое рождает в нем эротизм ощущений. Появление шинели подобно появлению «подруги жизни», «светлого друга». Герой познает «самое счастливое расположение духа», способен смеяться, «посибаритствовать», он испытывает любопытство перед витриной магазина, он может побежать даже «вдруг, неизвестно почему, за какую-то дамою». Движение, которым исполнена «всякая часть тела» дамы, не дает, однако, начала порыву героя. «Подивясь даже сам неизвестно откуда взявшейся рыси» герой не отклоняется от маршрута, в итоге ставшем для него роковым. Эротизм Червякова скрыт Чеховым в его ожидаемом блаженстве от «Корневильских колоколов», где есть игривая песенка служанок.

Характерна смена вербального поведения героя знаками невербальной коммуникации с миром. Автор принимает на себя эту часть повествования, подготавливая к развязке воздействием на читателя приемами аллюзий. Включение перлокутивной программы воздействия – создание у читателя ощущения участника ситуации, игровой характер действия – придают повествованию характер мотивированного отчуждения. Согласно теории Ж. Женетта, это тип мотивированного повествования, для которого характерны две степени мотивации – первой степени, или ограниченная, и второй степени, или обобщающая (Женетт, 1998: 187).

Червяков в речеповедении также способен к смене риторических ролей. Его речь включает градацию от ритуально-нейтрального клише: «Ради бога, извините» до требовательного: «Я ведь... я не желал!», от бормотания: «Я вас обрызгал, ваше-ство... Простите... Я ведь... не то чтобы...» до подозрительности: «Забыл, а у самого ехидство в глазах, – подумал Червяков, подозрительно поглядывая на генерала. – И говорить не хочет. Надо бы ему объяснить, что я вовсе не желал... что это закон природы, а то *подумает*, что я плюнуть хотел. *Теперь не подумает, так после подумает!*...» (Чехов, 1975: 164). В отличие от Башмачкина, Червяков все-таки экзекутор, он способен как на раскаяние, так и призыв к прощению: «Ежели я осмеливаюсь беспокоить ваше-ство, то именно из чувства, могу сказать, *раскаяния!*... *Не нарочно, сами изволите знать-с!*».

Что случилось с героями?

То, что случилось с героями, связано с образом их жизни. Индифферентность Башмачкина: «Ни один раз в жизни не обратил он внимания на то, что делается и происходит всякой день на улице» (Гоголь, 1938: 145), равнодушие к развлечениям были результатом вынужденной экономии и страха перед переменной привычного порядка. Неслучайно его состояние после вердикта Петровича о необходимости шить новую шинель сродни беспомощности.

Авторское предположение о том, что жизнь героя «дотекла бы, может быть, до глубокой старости, если бы не было разных бедствий», не только осложнение завязки новым поворотом, подготовка восприятия читателя к роковой истории, но и способ выявить потаенное в герое. Его эротическое оживление, неожиданное для Акакия Акакиевича, когда искушение побеждено не разумом, а привычкой (удивлением), сопровождается неожиданной для героя решительностью. Однако импульсивность и состояние, близкое к иступлению в положениях, обозначавших сдвиг привычного, сменились привычной робостью и нерешительностью в ситуации с «одним значительным лицом», диктующей правила поведения низшего *чина*. Рефлекс страха и инстинкт подчинения восстанавливают утраченную героем модель речеповедения.

Авторское «бедствие» и перечисление чинов более высокого ранга, одинаково беззащитных перед ним, зеркальная симметрия сюжета грабежа с генералом по-своему уравнивают два чина, выявляя случайность ограбления Башмачкина. В зеркальной симметрии значимы аналогия страха и гиперболизм грабителей, визуальный и слуховой, отражающие ужас героев. Мифическое и мистическое возмездие мертвеца-чиновника, также облеченное в гротескную образность комического, объясняет типологию названия повести: шинель, вобравшая в себя множество смыслов в восприятии героя, отражающая эволюцию рецепции Башмачкина, от шинельного капитала и подруги жизни до светлого друга, что аккумулирует диапазон коммуникативных стратегий автора. Восприятие Башмачкиным шинели воплощено излюбленным методом Гоголя – одушевлением неживого. Соответственно ограбление воспринимается и Башмачкиным, и «значительным лицом» как неизбежность судьбы ее возмездие. Однако комизм страха и ужаса, снижение inferнальности, обытовляющее ситуацию, «возвращает» истории авторский взгляд на «бедствие» как случай.

Как герои умирают?

Смятение Акакия Акакиевича: «прибежал домой в совершенном беспорядке» – отличается от смятения после визита к Петровичу. Там он сумел обрести равновесие духа и благоразумие. Здесь равнозначность утраты шинели обретению нового смысла жизни лишает героя почвы под ногами. «Смиранный вид Акакия Акакиевича и его старенькой вицмундир» как воплощение смирения с судьбой и выработанная годами службы в департаменте кротость объясняют его состояние, в котором прочитывается аллюзия на смерть: «Акакий Акакиевич так и обмер, пошатнулся, затрясся всем телом и никак не мог стоять» в движении сердобольных сторожей «его вынесли почти без движения». Эта аллюзия на ритуальную деталь, предшествующую погребению. Признаки омертвления усилены физиологическим маркерами: «Как сошел с лестницы, как вышел на улицу, ничего уж этого не помнил Акакий Акакиевич. Он не слышал ни рук, ни ног» (Чехов, 1975: 167). Физиологическая подробность Чехова: «В животе у Червякова что-то оторвалось» – корреспондирует с гоголевской предсмертной аллюзивностью: *Ничего не видя, ничего не слыша, он попятился к двери, вышел на улицу и поплелся»* (Чехов, 1975: 165).

От жабы Башмачкин «весь распух». Гиперболизация болезни, задевшей область груди, органа жизни, подчеркивают чувствительность героя и его обреченность. Отсюда нарушение его привычного для окружения и несознаваемого им самим коммуникативного поведения – сквернословия и ропота на фоне смирения. Механистичность, рефлекторный характер движений отмечают смерть Червякова: «Придя машинально домой, не снимая вицмундира, он лег на диван и... помер» (Чехов, 1975: 165). Перед последним визитом герой подстригся и надел новый вицмундир. Это также аллюзия на предсмертное приготовление. Отсюда машинальность движений: лег и помер – вводит тему бытовизации смерти. Чехов, предпославший рассказу подзаголовок «случай», создал логический конец коммуникации. Примечательно, что смерти двух чиновников предшествовал несостоявшийся коммуникативный акт – написание извинения. Башмачкин не способен на письмо, только переписывание бумаг, Червяков не смог выдумать этикетного письма, предпочтя определенность и результативность устного объяснения.

Два чужих генерала

Примечательно, что и в «Шинели» генерал был чужим, и в рассказе «Смерть чиновника»

генералы чужие, т.е. возглавляют другие департаменты. Для предприимчивого в какой-то степени экзекутора Червякова «чужой» становится способом избежать извинения. Однако в герое пересилило пошло воспринятое представление о принадлежности к обществу. Согласие жены: «Подумают, что ты в публике держать себя не умеешь» – объект соглашения в риторике, сменивший первоначальную беспечность жены («легкомыслие»), по Червякову).

Эволюции шинели в рассказе Чехова противостоит эволюция от «старичка» до чужого начальника, статского генерала Брижалова, служащего по ведомству путей сообщения. Метазнаки повествования содержат аллюзию на социальный порядок ранжирования в системе чиновной службы, а также проливают свет на рассказ Чехова как персуазивную программу в аспекте смеховой культуры. Так, исследователь интерпретирует семантику слова «обрызгал» как страх героя – в аспекте аллюзии на средневековый шутовской обряд, заключавшийся в метании кала и мочи (Уразаева, 2019: 180). В работе обоснован страх Червякова с позиций табуированного жеста и его «вины». Отмечена и упомянутая М. Бахтиным ассоциация: «У нас <...> ночной горшок иногда называют «генералом»» и символика «Manneken-Pis» на одном из городских фонтанов в Брюсселе, который ученый объяснил как желание безопасности и благосостояния для города (Бахтин, 1990: 167). Вывод ученого касается трактовки «вины» чеховского героя как прощения генерала, «ночного горшка» («фанфарона», в его внутренняя оценка) как гарантии его безопасности и спокойствия. Другими словами, «проявление физиологического жеста (“чихнул” и “обрызгал”) воспринимается как психологическая и культурологическая аллюзия на истребование прощения как желание покоя, отсутствия наказания» (Уразаева, 2019: 181).

Поведение генералов и связанный с ними исход ситуаций помещен авторами в православно-аксиологический контекст. Так, гоголевское: «бедный Акакий Акакиевич испустил дух» – выдержано в ритуализованном стиле, а понятие «бедный» становится знаком конвенционального, ценностного плана. Это не просто сочувствие автора герою, но православно-аксиологическое выражение сострадания и милосердия, прощающего его предсмертный гнев на судьбу. «Бедный» в рецепции генерала, пережившего тоже внутреннюю катастрофу, вырастает до мировоззренческой катастрофы в обществе, для осознания которой понадобилась не только смерть

героя, но и аналогия пережитого страха в схожей ситуации. «Бедный» и синонимичное в рецепции генерала «бледный» становятся знаками мистического страха героя в сцене ограбления, принявшей смысл возмездия чиновника-мертвеца. Повторение двух сцен ограбления в одних и тех же приемах создает одну и ту же риторическую модальность. Фокусируя две истории в одну: «*бедная* история наша неожиданно принимает фантастическое окончание» – автор сообщает повествованию комически мотивированный характер.

Раскаянию гоголевского генерала в чеховском Бризжалове противопоставлена духовная слепота и глухота. Так, вопрошающие глаза и вопросительные конструкции в последнем объяснении Червякова: «не для того, чтобы *смеяться*, как вы изволили сказать. Я извинялся за то, что, чихая, брызнул-с..., а *смеяться* я и не думал. *Смею ли я смеяться? Ежели мы будем смеяться, так никакого тогда, значит, и уважения к персонам... не будет...*» – не привело к ожидаемому герою прощению, которое в контексте его смерти приняло характер ухода из жизни без освобождения души.

В отличие от иронии Гоголя чеховский сарказм исполнен социального начала, передающего страх как регулятора системы чиновничества, а также индивидуального выражения: герой не

способен видеть в генерале «старичка». А его эзекьюторское мышление сыграло с ним роковую шутку. Неразличение социального и личного, возведение житейского недоразумения в ранг социального оскорбления в рецепции Червякова объясняет индивидуальную неспособность героя к игровому поведению. Ведь первоначальное прощение генерала в театре и шанс остановиться, плаксивая гримаса генерала и риторический призыв на прекращение: «Издаетесь что ли» – это не услышанные Червяковым сигналы извинения.

Заключение

Итак, дискурсное и структурное изучение позволило выявить признаки текста как персуазивной программы и его двойкой событийности. Во-первых, типы риторических модальностей позволили установить источники аллюзивной иконической дискурсивности.

Во-вторых, изучение текста в аспекте трех компетенций текста показало формы перлокутивного воздействия и специфику комического. В-третьих, своеобразие нарративной природы текста определяется тем, что активными субъектами сюжета становятся метатекстовые знаки. Это детали описания, которые выполняют также функцию повествующего дискурса.

Литература

- Тюпа И.В. Дискурсный анализ // Тюпа И.В. Анализ художественного текста. – М., 2008. – С. 273-299.
- Гоголь Н.В. Шинель // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: [В 14 т.] / АН СССР; Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, 1937-1952. Т. 3. Повести / Ред. В.Л. Комарович. – 1938. – С. 139-174.
- Чехов А.П. Смерть чиновника // Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. – М., 1974-1982. Т. 2. [Рассказы. Юморески], 1883-1884. – М.: Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького, 1975. – С. 164-166.
- Эйхенбаум Б. Как сделана «Шинель» Гоголя // О прозе: сб. статей. – Л.: Художественная литература, 1969. – С. 306-326.
- Славутин Е.И., Пимонов В.И. Как всё-таки сделана «Шинель» Гоголя? // Структура сюжета. – М: Флинта: Наука, 2018. – С. 124-135.
- Риторика. Учебная книга для магистратуры по направлению/специальности «Филология» в вузах России и Казахстана. [Электронный ресурс] / И.Ю. Качесова [и др.]; АлтГУ. – Электрон. текст. дан. (4,7Мб). – Барнаул: АлтГУ, 2018. – 1 электрон. опт. диск (DVD+R). – № гос. регистрации 0321900321.
- Колесникова Л.Н. Риторическая личность преподавателя-филолога в контексте профессиональной культуры. Монография. В 3-х томах. Том 1. – Орел. ОГУ, 2006. – 472 с.
- Манн Ю. Постигая Гоголя. – М.: Аспект Пресс, 2015. – 206 с.
- Гоголь Н.В. Нос // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: [В 14 т.] / АН СССР; Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, 1937-1952. Т. 3. Повести / Ред. В.Л. Комарович. – 1938. – С. 47-75.
- Женетт Ж. Границы повествовательности // Фигуры: в 2 т. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. – Т. 1. – С. 283-299.
- Женетт Ж. Повествовательный дискурс // Фигуры: в 2 т. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. – Т. 2. – С. 60-280.
- Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. – М.: Художественная литература, 1990. – 543 с.
- Уразаева К. Рассказ А. Чехова как мениппея: смеховая культура, карнавальная образность и двойкая событийность // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2019. – № 3. – С. 176-185.

References

- Bahtin M.M. (1990) *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaia kultura Srednevekovia i Renessansa* [The work of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and Renaissance] Moscow: Hudojstvennaia literatura. 543 p. (In Russian)
- Chehov A.P. (1975) *Smert chinovnika* [Death of an Official] Chehov A.P. Poln. sobr. soch. i pisem: V 30 t. Soch.: V 18 t. AN SSSR. In-t mirovoi lit. im. A.M. Gorkogo Moscow, 1974–1982. T. 2. [Rasskazy. Iumoreski], 1883–1884. Moscow: In-t mirovoi lit. im. A.M. Gorkogo, 164–166 p. (In Russian)
- Eihenbaum B. (1969) *Kak sdelana «Shinel» Gogolia* [How Gogol's Overcoat is made] O proze: sb. statei, Leningrad: Hudojstvennaia literatura, 306-326 p. (In Russian)
- Gogol N.V. (1938) *Nos* [The Nose] Gogol N.V. Polnoe sobranie sochinenii: [V 14 t.] AN SSSR; In-t rus. lit. (Pushkin. Dom) Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1937-1952. T. 3. Povesti. Red. V.L. Komarovich, 47-75 p. (In Russian)
- Gogol N.V. (1938) *Shinel* [The Overcoat] Gogol N.V. Polnoe sobranie sochinenii: [V 14 t.] AN SSSR; In-t rus. lit. (Pushkin. Dom) Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1937-1952. T. 3. Povesti Red. V.L. Komarovich. 139-174 p. (In Russian)
- Jenett J. (1998) *Granitsy povestvovatel'nosti* [Borders of narrative] *Figury*: v 2 t. Moscow: Izd-vo im. Sabashnikovyh, T. 1. 283-299 p. (In Russian)
- Jenett J. (1998) *Povestvovatel'nyi diskurs* [Narrative discourse] *Figury*: v 2 t. Moscow: Izd-vo im. Sabashnikovyh, 1998. T. 2. 60-280 p. (In Russian)
- Kolesnikova L.N. (2006) *Ritoricheskaia lichnost' prepodavatelya-filologa v kontekste professional'noi kultury* [The rhetorical personality of the philologist in the context of professional culture]. *Monografiia v 3-h tomah. Tom 1.* Orel. OGU, 472 p. (In Russian)
- Mann Iu. (2015) *Postigaia Gogolia* [Comprehending Gogol] Moscow: Aspekt Press, 206 p. (In Russian)
- Ritorika (2018), [Rhetoric] *Uchebnaia knigadliamagistratury ponaprasleniia/spetsialnosti «Filologiya» v vuzah Rossi i Kazahstana.* [Elektronnyi resurs] I.Iu. Kachesova [i dr.]; AltGU. Elektron. tekst. dan. (4,7Mb). Barnaul: AltGU, E1 elektron. opt. disk (DVD+R). № gos. registratsii 0321900321.
- Slavutin E.I. Pimonov V.I. (2018) *Kak vse tak sdelana «Shinel» Gogolia?* [How is Gogol's "Overcoat" still made?] *Struktural'naia iuzeta* Moscow: Flinta: Nauka, 124-135 p. (In Russian)
- Tiupa I.V. (2008) *Diskursnyi analiz* [Discourse analysis]. Tiupa I.V. *Analiz hudojstvennogo teksta* Moscow, 273-299 p. (In Russian)
- Urazaeva K. (2019) *Rasskaz A. Chehova kak menippeia: smehovaia kultura, karnavalnaia obraznost i dvoikaia sobytinost* [A. Chekhov's story as a menippeia: laughter culture, carnival imagery and two-sided events] *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seria 19. Lingvistika i mejkulturnaia kommunikatsiia.* № 3. 176-185 p. (In Russian)